



Снимок  
предоставлен  
музеем МХАТа им.  
Чехова.  
Публикуется  
впервые.

# ОЛЕГ ЕФРЕМОВ МЕЧТАЛ ВЛЮБИТЬСЯ ЕЩЕ РАЗ

**Р**овно год МХАТ им. Чехова живет без Олега Ефремова. Как и положено, сегодня на легендарной сцене будут выступать те, кто знал мэтра и работал с ним. Однако за кадром останется один человек, имеющий самое непосредственное отношение к жизни Ефремова. Тот, который едва ли не каждый день навещал худрука МХАТа дома и кому рассказывались вещи, о которых обычно говорят только своему врачу и священнику.

Итак, знакомьтесь: доктор МХАТа им. Чехова — Сергей Тумкин. Именно он 9 последних лет опекал больного Ефремова, поддерживая морально и выписывая ему пилюли и уколы. О чем же они говорили?..

— Мы с ним обсуждали абсолютно разные темы, кроме болезни. Олег не любил болеть и не хотел говорить об этом. Он вообще не любил лечиться, за что я его очень уважал.

— **Странно это слышать от доктора...**

— Настоящий мужчина не должен о своих болячках говорить, правда ведь? Его любимым выражением было: "Оставь таблетки, а я отлежусь, как собака". И действительно, он ничего не ел, лежал и читал или сидел в кресле и смотрел по телевизору новости... Лежал на огромной белой постели, слева стояла белая тумбочка с очками и лекарствами, справа — зеркальный шкаф для одежды. На постели всегда — масса книг.

— **Ефремов говорил о смерти?**

— Пожалуй, только один раз — когда в 1994 году умер Смоктуновский, Олег по дороге на кладбище сказал: "Я следующий". Рядом ехал актер Петр Иванович Щербаков, и он возразил: "Нет, теперь моя очередь". Так и вышло... Ефремов, наоборот, очень любил жизнь и все делал для того, чтобы поправиться. Он ездил лечиться в Париж, и там ему отсоветовали делать операцию, потому что у него были поражены оба легких — нечего было оперировать. Но полечили его довольно прилично, хотя здесь ему опять стало хуже.

— **Вы знаете, что он читал, лежа в постели?**

— Там была разная литература, в том числе и детективы: больному человеку ведь хочется отвлечься от всех проблем. Несколько лет назад он мучительно работал над "Борисом Годуновым", пытаясь найти в нем свою нить. И я предложил ему почитать "Розу мира" Даниила Андреева, где есть небольшой фрагмент о Борисе Годунове. Олег прочитал от корки до корки, заказал себе два экземпляра и рекомендовал ее всем друзьям. После премьеры он спросил меня: "Ты обратил внимание, что основные мизансцены происходят, когда с пола сцены поднимается огромный крест?" Символ креста и фатальной неизбежности возник у него под влиянием той книги, и он стал говорить о своей вере в высший разум. Хотя до этого он говорил, что в Бога не верит, хотя был крещеным.

— **А в церковь не стал ходить?**

— Если только на панихиды. В последнее время ходить ему было очень тяжело, он все время задыхался. Приедет в театр, поднимется в свой кабинет, обопрется о стол — и должен отдыхать. У него было два кислородных аппарата — дома и на работе. Он очень спешил закончить "Сирано де Бержерака" и в зрительном зале, следя за речетипией, иногда машинально закуривал, а мы должны были моментально отодвигать аппарат, чтобы не взорвался кислород...

— **Разве вы на правах врача не запрещали ему курить? Или он не слушался?**

— Так, чтобы он сказал прямо: "Я буду это ис-

полнять", — такого никогда не было. Он всегда принимал решения сам, над ним никто не стоял. Я даже писал ему письма объяснительные: "У вас болезнь и напряженная работа. Вы, как альпинист, идете в гору, но у вас не хватает сил. Поэтому надо РАДИ ДЕЛА принимать лекарства, делать уколы и т.д.". Он никак на это не реагировал, но потом говорил: "Ну ладно, сколько дней принимать?" Причем ему надо было сказать это сразу, хотя всегда трудно знать заранее, сколько времени надо будет пить лекарства.

— **Ефремов был тяжелым в общении человеком?**

— Однажды я его спросил: "Почему вы ведете такой одинокий образ жизни? Вы, наверное, по натуре анахорет". Кажется, это переводится как "совершенно замкнутая, самодостаточная натура". Он улынулся и ничего не ответил. Конечно, на самом деле он ни одного дня не обходился без людей.

— **Существовали коронные "ефремовские" темы? Чем можно было его разговорить?**

— Любимых не было, хотя на темы о театре естественно, сразу же "включался". Еще он очень любил долго рассказывать о каждом доме в арбатских переулках, которые были знакомы ему с детства. Когда мы ехали из театра на Сивцев Вражек, в поликлинику Управления делами президента (бывшее 4-е управление), он показывал дом, в котором раньше жил, на Суворовском бульваре. Там же, внизу, был винный магазин, к которому он был неравнодушен.

— **Кстати, как вы справлялись с этой проблемой?**

— Он сам мог собраться, когда надо. Перед столетием театра он, чтобы собраться с силами, несколько месяцев не пил и даже бросил курить. Когда я к нему заходил, он говорил: "Мне нельзя, а вот ты открой шкафчик, там "Белая лошадь" стоит. Налей себе рюмочку виски, а я посмотрю..." Кстати, когда показывали по телевизору столетие МХАТа, где якобы Ефремов выпивал, — это все неправда. На самом деле ему наливали воду, и только после концерта он выпил рюмочку.

— **Как с простыми человеческими радостями — поесть любил?**

— Он обладал очень плохим аппетитом, как и все люди с легочными заболеваниями. Мог целыми днями ничего не есть, если ему не напомнить. Правда, он любил хаш и даже как-то просил, чтобы ему привезли его в больницу... Как-то он сказал, что с удовольствием съел бы сырую печень, и признался, что однажды на базаре попросил продавца отрезать кусочек сырой печени и съел его. В другой раз мы с ним заехали в какую-то захудалую забегаловку на "Электровзводской". Попытались сделать заказ, его долго делали. Потом принесли что-то очень простое, и тем не менее в новой обстановке он поел с удовольствием.

— **А хорошо одеться? Ему тоже было все равно?**

— Нет, к одежде он был равнодушен. Я помню, что в последний день рождения, когда к нему должны были приехать гости, он надел свою клетчатую рубашку и извиняющимся голосом сказал: "Ну, меня, наверное, простят, что я только в рубашке. Не хочется костюм надевать". Однажды он показал мне две жилетки — джинсовую и кожаную. Такие вошли в моду где-то в 1993/94 году. Говорит: "Смотри, какие красивые. Это мне Мягков подарил, а это Ефимов (директор театра)". И эти жилетки он часто надевал, а в театр обычно приходил в костюме и белой рубашке.

— **Олег Николаевич, известный многочисленными романами, вспоминал свои былые увлечения?**

— Да, он любил поговорить на эту тему. Однажды за границей его пригласили на тайский массаж, и он в деталях рассказывал, как это происходит. Видно было, что ему понравилось, но в конце он добавил, как бы оправдываясь: "Я как режиссер обязан знать все стороны жизни". И мне показалось, что хотя рассказать-то об этом он рассказал, но все-таки стеснялся. Но даже в последний год он говорил мне: "Я хочу поправиться. Моя мечта — влюбиться еще раз". Хотя добавлял, что, наверное, этого уже не будет.

— **О сыне он рассказывал?**

— Он очень переживал каждый раз после того, как Миша напивался или устраивал очередной эксцесс, и говорил: "Это моя боль..." Но ему очень нравились внуки, и он с удовольствием показывал их фотографии. Пятого внука не дождался...

В тот день у Миши без четверти два остановились стенные часы, которые раньше никогда не останавливались. А в 5 часов вечера, когда пришла помощница Ефремова по театру — Татьяна Александровна Горячева, тело было уже холодное. То есть часа в два он умер... Олег лежал в своей огромной постели в пол-оборота, и его правая рука была откинута, как будто он потянулся за книгой или телефоном. Но рядом ничего не было. Это было его последнее движение, и в этот момент остановилось сердце.

— **Кто с ним разговаривал последний раз?**

— В тот день он собирался посмотреть спектакль, и где-то около часу дня ему звонил его знакомый, с которым они должны были пойти. Но Ефремов сказал, что он не пойдет. А с утра к нему приходила Галина, его домработница. Она заметила, что он как никогда плохо выглядит, и сказала, что вызывает "скорую помощь". Но Олег категорически запретил ей это делать: "Иди-иди, ничего со мной не случится..." В этот день в театре было ЧП: заболел ведущий актер Виктор Гвоздицкий, который вечером должен был играть, и я повез его в Скиф... Когда Горячева зашла в квартиру Ефремова (у нее был свой ключ), она увидела его мертвым. Тут же позвонила в театр, и через пять минут я уже был там...

В тот же день в театре начались разговоры: "Может, он принял снотворное, отравился, не желая больше жить?.." Но все это, конечно, было не так. В четверг, 25-го, у него должна была быть консультация двух профессоров — в какой санаторий он поедет отдыхать. Он хотел поехать в Барвиху...

**Сегодня вечером во МХАТе им. Чехова в 18 часов откроются мемориальная гримуборная и Ефремовское фойе. А в 19 часов на сцене состоится вечер памяти: "Олег Ефремов. Продолжение диалога".**

Мария КОСТЮКЕВИЧ.